

Пылай: се пламя очищенья!
Мы землю с небом примирим.
Ты жертва общего спасенья!

(с. 304)

Такие описания вполне традиционны для оды: «Ломоносов придавал описанию большое значение. Он видел в нем одно из средств, с помощью которого можно было вызвать в слушателе или читателе определенное настроение»⁷.

Как видим, Н. М. Карамзин действительно использует здесь одическую традицию. По всей видимости, победа над Наполеоном — такое значимое и радостное событие — побудила писателя воспеть это событие. Жанр оды оказался наиболее подходящим для этого. Конечно, данное произведение не является одой в каноническом ее понимании.

Писателю удастся добиться главного эффекта — воздействовать на чувства читателей.

Т. А. Ложкова

Мир и война в «Письмах русского офицера» Ф. Н. Глинки

Анализируются особенности художественного образа мира в «Письмах русского офицера» Ф. Глинки. Рассматривается сюжетообразующая роль оппозиции «мир — война»

Ключевые слова: Ф. Глинка; художественный образ мира; хронотоп; мир; война.

«Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки основаны на материалах дневников и путевых заметок, в которых запечатлены впечатления автора — участника военных кампаний 1805–1806 гг., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии

⁷ Москвичева Г. В. Русский классицизм. М., 1986. С. 34.

1813–1814 гг., что дает основание воспринимать их как «ретроспективно обработанный дневник»¹ или «достоверный источник, более близкий к событиям войн с Наполеоном, чем созданные несколько позже произведения мемуарного характера»². Однако значение произведения, на наш взгляд, не исчерпывается сугубо мемуарным планом. «Письма» Глинки дают начало одной из важнейших для России литературных тенденций, которую позже будет принято обозначать термином *военная проза*. Внутренняя целостность весьма разнохарактерного в содержательном и повествовательном отношении произведения обусловлена единым предметом художественного осмысления: пожалуй, впервые в русской прозе так остро поставлена проблема войны как бытийного феномена.

Война в «Письмах» Глинки явлена в двух взаимосвязанных ипостасях. С одной стороны, это конкретное историческое событие. Повествование насыщено сведениями о сражениях, наступлениях, отступлениях и т. п., записи о них скрупулезно датируются, столь же тщательно обозначаются географические координаты, называются номера воинских частей, имена генералов и т. п. Сюжет произведения четко локализован во времени и пространстве. Каждое письмо датировано, обозначено место, где оно было написано. Таким образом, формальные рамки сюжета ограничены театром военных действий. Однако в сознании героя конкретные события оказываются лишь формой проявления какого-то общего бытийного неустройства, периодически нарушающего нормальный ход вещей. Не случайно повествователь всюду замечает следы военных невзгод, пережитых миром ранее: «Говорят, что предки наши были непросвещенны; однако ж они умели выбирать самые выгодные места для своих Кремлей. Зарайский Кремль служит доказательством. Стоя на возвышенном месте, он преграждает переправу на реке и может действовать орудиями далеко по дороге, изви- вающейся по чистым и гладким полям, по которой прихаживали

¹ Приказчикова Е. Е. Русская мемуаристика XVIII — первой трети XIX века: имена и пути развития. Екатеринбург, 2006. С. 209.

² Галин Г. А. «Письма русского офицера» и их автор Федор Николаевич Глинка // Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1990. С. 8.

туда татары»³. Герой Глинки постоянно соотносит факты, очевидцем которых является, с известными ему событиями прошлого, как далекого, так и относительно недавнего: «Я видел ужаснейшую картину — я был свидетелем гибели Смоленска. Погубление Лисабона не могло быть ужаснее» (с. 60); «Теперь Смоленск есть огромная груда пепла; окрестности его — суть окрестности Везувия после извержения» (с. 61) и т. п. Таким образом, война оказывается в одном ряду с природными катаклизмами и воспринимается как очередной выброс чудовищной космической энергии, смещающей все бытийные координаты и ввергающей мир в состояние хаоса и безумия. Выворачивается наизнанку смысл привычных явлений: «Наконец поля наши, покрытые обильнейшей жатвой, должны будут вскоре сделаться полями сражений» (с. 57). Рушатся города: «Тучи бомб, гранат и чиненных ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви. И дома, церкви и башни обнялись пламенем — и все, что может гореть, — запылало!.. Опламененные окрестности, густой разноцветный дым, багровые зори, треск лопающихся бомб, гром пушек, кипящая ружейная пальба, стук барабанов, вопль старцев, стоны жен и детей, целый народ, падающий на колени с воздетыми к небу руками: вот что представлялось нашим глазам, что поражало слух и что раздирало сердце!.. Между тем черно-багровое облако дыма засело над городом, и ночь присоединила темноту к мраку и ужас к ужасу. Смятение людей было так велико, что многие выбегали полунагими и матери теряли детей своих. Казаки вывозили на седлах младенцев из мест, где свирепствовал ад» (с. 60–61); «Вот уже другой день, как я в столице, которую так часто видал в блестящем ее великолепии, среди торжеств и пирований, и которую теперь едва-едва могу узнать в глубокой ее печали. <...> Я видел сгорающую Москву. Она, казалось, погружена была в огненное море. Огромная черно-багровая туча дыма висела над ней. Картина ужасная!.. (с. 74–75).

³ Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. С. 76–77. Далее «Письма» цитируются с указанием страниц по тексту.

Война разрушает границы между обыденной реальностью и иными, постусторонними, сферами бытия. Героя потрясает легкость перехода от жизни к смерти: «Мне кажется, я переселился совсем в другой свет! Куда ни взглянешь, все пылает и курится. Мы живем под тучами дыма и в области огней. Смерть все ходит между и около нас! Она так и трется промеж рядов. Нет человека, который бы не видел ее каждый день, и каждый день целые тысячи достаются ей на жертву! Здесь люди исчезают как тени. Сегодня на земле, а завтра под землей!.. Сегодня смеемся с другом; завтра плачем над его могилой!.. Тут целыми обществами переходят из этого на тот свет так легко, как будто из дома в дом! Удивительно, как привыкли здесь к смерти, в каких бы видах ни являлась: свистит ли в пулях, сеется ль в граде картечи или шумит в полете ядер и вылетает из лопающихся бомб — ее никто не пугается» (с. 67–68).

Писателю удалось создать произведение, в котором передано ощущение катастрофичности исторической ситуации, переживаемой его поколением. Между тем, несмотря на то, что «Письма» написаны от первого лица и представляют собой записки человека, находящегося в эпицентре событий, повествование в них довольно сдержанное в эмоциональном отношении. Герой-повествователь стремится не к прямому выражению собственных субъективных чувств и состояний, а к воссозданию общей атмосферы трагизма. Художественный образ мира оказывается своеобразной проекцией сознания героя, его понимания жизни, законов окружающего бытия.

В представлении героя Глинки, периодическая повторяемость мировых катаклизмов обусловлена тем, что время движется не линейно, а по гигантской спирали, витки которой могут сжиматься и расширяться, пульсируя вспышками колоссальной энергии. Именно такой критический момент переживает мир в 1812 г. Письмо от 10 мая, написанное в с. Сутоки, играет важную роль в создании ощущения приближающейся катастрофы, поскольку полно тяжелых предчувствий:

Природа в полном цвете!.. Зеленеющие поля обещают самую богатую жатву. Все наслаждается жизнью. Не знаю, отчего сердце мое отказывается участвовать в общей радости творения. Оно не смеет развернуться, подобно листьям и цветам. Непонятное чувство, похожее на то, которое смущает нас перед сильною грозой, сжимает его. Предчувствие какого-то отдаленного несчастья меня пугает... Но, может быть, это мечты!.. «Недаром, — говорят простолюдины, — прошлого года так долго ходила в небесах невиданная звезда; недаром горели города, села, леса, и во многих местах земля выгорала: не к добру это все! Быть великой войне!» (с. 54).

В письме перечисляются недобрые приметы, слухи и толки: «Теперь в “Ведомостях” только и пишут о страшных наводнениях, о трясении земли в разных странах, о дивных явлениях на небе» (с. 54). Но автор письма, человек просвещенный и здравомыслящий, профессиональный военный, не особо доверяет слухам, он видит куда более реальные и бесспорные признаки готовящегося нашествия: «К чему, в самом деле, такое притечение войск к границам? К чему сам государь, оставя удовольствия столицы, поспешил туда разделять труды воинской жизни? — К чему, как не к войне!..» (с. 55). Предчувствия надвигающейся катастрофы подкрепляются ассоциациями с трагическими событиями прошлого: «Мы читаем в Степенных книгах, что перед великим нашествием татар на Россию солнце и луна изменяли вид свой, и небо чудесными знаменами как бы предуведомляло землю о грядущем горе... Нельзя не согласиться с знаменитым Махиавелем, что мыслящие умы так же легко предузнают различные приключения в судьбе царств и народов по известным обстоятельствам, как мореплаватели затмение светил и прочее по своим исчислениям... О друг мой! Ужели бедствия нашествий повторятся в дни наши?» (с. 54–55).

Таким образом, письмо от 10 мая 1812 г. сразу вводит читателя в атмосферу тревоги и предчувствий, обусловленную особым состоянием мира: «В самом деле, мы живем в чудесном веке: природа и люди испытывают превратности необычайные» (с. 54). Взвихренный, мятежный образ мира возникает в сознании читателя

благодаря гиперболическим сравнениям: «Наполеон, разгромив большую часть Европы, стоит, как туча, и хмурится над Неманом. Он подобен бурной реке, надменной тысячью поглощенных источников; грудь русская есть плотина, удерживающая стремление, — прорвется — и наводнение будет неслыханно!» (с. 55). Мир словно замер в ожидании ужасной грозы, которая вот-вот разразится над весенними полями. И гроза грянула. Писатель с удивительным мастерством создает ощущение ошеломления, потрясения, которое испытывают люди, захваченные водоворотом исторической драмы. Следующее письмо датировано «16 июля 1812. Смоленск». Война нарушает нормальное течение времени, оно бешено несется вперед, события развиваются молниеносно, автор просто не успевает о них написать: переправа французов через Неман 24 июня, отступление русской армии — все это остается за рамками повествования, Одной лаконичной фразой Глинка передает стремительный характер вторжения, армия Наполеона, словно лавина, растекается по русской земле: «Получили известие, что неприятель уже близ Орши» (с. 56). Быстрота перемещения армии обнаруживается в маркировках писем: «17 июля. Смоленск»; «18 июля 1812. Село Сутоки». События становятся непредсказуемыми:

...Все корпуса, армию нашу составляющие, проходя различными путями к одной цели, соединились в чрезвычайно укрепленном лагере при Дриссе и ожидали неприятеля. Полагали, что он непременно пойдет на то место, чтоб купить себе вход в древние пределы России ценой сражения с нашими войсками; ибо как отважиться завоевывать государство, не разбив его войск? Но дерзкий Наполеон, надеясь на неисчислимое воинство свое, ломится прямо в грудь Отечества нашего (с. 56);

Неприятель, сосредоточив где-то великие силы, ворвался вчера в Красное; и между тем как наши смотрели на Рудню, он полетел к Смоленску, чтоб овладеть им внезапно. Дивизия Неверовского принесла сегодня французов на плечах; а храбрый генерал Раевский встретил их с горстью войск и не впустил в город (с. 59–60).

Катастрофичность состояния мира обнаруживается в нарушении всех мыслимых норм, связей, разрушении привычного порядка:

Уже потянулись длинные обозы; всякий разведывает, где безопаснее. Никто не хочет достаться в руки неприятелю (с. 56);

Войска перешли Колочу, впадавшую, здесь же, в селе Богородице, в Москву-реку, и установились на протяжении холмов, омываемых слиянием этих двух речек. Стало войско — и не стало ни жатв, ни деревень: первые притоптаны, другие снесены. «Война идет и метет!» Так говорится издавна в народе. Может ли быть бедствие, лютейшее войны?.. (с. 69).

Апофеозом трагедии становится образ погибающего Смоленска:

Сколько раненых! Сколько бегущих! Бесконечные обозы тянутся по полям; толпы народа спешат, сами не зная куда!.. Мы теперь нищие, с благородным духом, бродим уныло по развалинам своего отечества. Бедный С...! В то время как брат его сражается и отечественный город в глазах его горит, узнает он, что отец впал в жестокую горячку, а мать, испуганная приближением врага, умерла!.. Вот пример ужаснейшего положения, в котором находятся теперь многие! Повсюду стон и разрушение!.. Мы живем в дни ужаса! (с. 62).

Ощущение кошмара усиливается благодаря лейтмотивам. Все пространство, доступное взору героя, постоянно окрашено в темные и багровые тона: «Между тем черно-багровое облако дыма засело над городом, и ночь присоединила темноту к мраку и ужас к ужасу» (с. 61); «Каждая ночь освещается заревами пожарищ. Полнеба рдеет, как раскаленное железо» (с. 62). Нашествие вражеской армии постоянно сравнивается с огромной грозовой тучей, стремительно закрывающей солнце, мир быстро погружается в сумрак, разрываемый вспышками губительного огня: «Неприятель, совокупляя силы свои, каждый день с большею дерзостью надвигает. Силы его несметны!.. Они ширятся вправо и влево и темнеют, как дремучие леса, или ходят, как тучи, из которых, по

временам, стреляет гром!..» (с. 69); «Неприятель, как туча, засинел, сгустившись, против левого нашего крыла и с быстротой молнии ударил на него, желая все сбить и уничтожить» (с. 70).

Герой с ужасом видит, как стремительно уменьшается пространство свободной русской земли: «Странствую по сторающей земле, под небом, не внемлющим жалобам смертных. Всякий день вижу уменьшение отечества нашего и расширение власти врагов. Каждая ночь освещается заревами пожарищ» (с. 62). Кажется, что еще немного, и мир распадется, рухнет, не выдержит чудовищного напряжения.

Но бешено несущееся время вдруг начинает замедлять свой ход. Начиная с 15 августа письма пишутся сначала ежедневно, а затем и несколько писем за один день: *24 августа; 24 августа. Поздно ввечеру; 25. Утро; 25. Сумерки; С 25 на 26. Глубокая ночь.* Время, словно гигантская пружина, поначалу стремительно сжимавшаяся, теперь движется вперед со все возрастающим усилием. Нет в этих письмах и помет, касающихся местонахождения автора: все они написаны в одном селе. Быстро перемещавшаяся русская армия остановилась, огромные пространства охваченной огнем и опустевшей русской земли теперь стянулись в одну точку под названием Бородино.

Критический характер момента, хронологически связанного с несколькими августовскими днями, обнаруживается и в том, что молниеносно захватывавший русскую землю враг вдруг словно потерял направление движения и заколебался, а где-то вдали вдруг начало проясняться небо, так давно закрытое черными тучами:

Многочисленное неприятельское войско колеблется: кажется, в нерешимости. Вот пошатнулось было влево и вдруг повалило направо. Огромные полчища двинутся на левое наше крыло. Русские спокойно смотрят на все с укрепляемых своих высот. Пыль, взвившаяся до небес, уседается. Даль яснее. Неприятель к чему-то готовится. Посмотрим к чему... (с. 70).

Само Бородинское сражение описывается по горячим следам в письме от 29 августа, когда повествователь уже находится

в окрестностях Москвы. Значение этого события полностью выявляется, благодаря характеру описания: в частности, обращают на себя внимание трансформации времени и пространства. Маленькое русское село вдруг разрастается в масштабах, опорными координатами становятся «мост», «средина», «левое крыло», «дорога», «главная батарея» — именно здесь, в этих узловых точках, решается судьба мира, критическую ценность получает самый крошечный клочок пространства:

...мужество наших войск было неописанно. Они, казалось, дорожили каждым вершком земли и бились до смерти за каждый шаг. Многие батареи до десяти раз переходили из рук в руки. Сражение горело в глубокой долине и в разных местах, с огнем и громом, на высоты всходило. Густой дым заступил место тумана. Седые облака клубились над левым нашим крылом и заслоняли середину, между тем как на правом сияло полное солнце. И самое светило мало видало таких браней на земле с тех пор, как освещает ее (с. 72–73).

Сражение обретает вселенский характер: не только на земле, но и в небесах идет какое-то непостижимое противоборство света и тьмы, разрушения и созидания, жизни и смерти. В полную силу сияющее на правом фланге русской армии солнце — символ надежды, согревающей душу автора. Бородинское сражение оказывается той критической точкой, пройдя через которую, время начинает новый виток своей грандиозной спирали, и свет начинает побеждать тьму. Несколько писем автор пишет в течение следующих друг за другом сентябрьских дней: это период, когда русская армия, оставив Москву, обустроивает Тарутинский лагерь. Еще пылает грозное зарево над оставленной древней столицей, еще границы Русского государства стеснены («Россия уже за Нарою!»), но ход событий переломился. Теперь русская армия диктует неприятелю, и уже ее действия становятся непредсказуемыми для французов:

Нападение на великий авангард французской армии, под начальством короля Неаполитанского, сделано удачно и неожиданно.

Неприятель тотчас начал отступать и вскоре предался совершенному бегству (с. 85).

А далее сюжет разворачивается по принципу зеркального отражения предыдущих эпизодов: время движется со скоростью опущенной и стремительно распрямляющейся пружины, снова письма пишутся с перерывами в несколько дней, снова автор не успевает за событиями и сообщает о них весьма кратко *post factum*, молниеносно расширяется русская земля, освобожденная от захватчика, и опорными точками пространства становятся уже не «мост» или «дорога», но Тарутино, Вязьма, Дорогобуж. Березина, Борисов, Вильна, Гродно. Ненастье и последовавшие за ним морозы теперь становятся угрозой для врага, ясное небо сияет над головами русских воинов:

Теперь можем мы вздохнуть спокойно!.. Меч, висевший над головами нашими, исчез. Тучи, ходившие по русскому небу, быстро несутся назад. Мы видим над собой ясную лазурь безмятежного свода, отколе всевышний благословляет оружие правых на славном поприще его побед (с. 99).

На освободившихся территориях начинает восстанавливаться нормальный порядок вещей, жизнь возвращается в мирное русло.

Письмо, написанное 1 января 1813 г., выполняет двоякую роль. С одной стороны, оно является своеобразным эпилогом и завершает этап сюжета, связанный с событиями Отечественной войны. Грозный год закончил свой цикл и занял свое место в истории:

Древняя история, кажется, не найдет в себе года, который во всех многообразных отношениях мог бы сравняться с протекшим. Начало его наполнено мрачными предвестиями, томительным ожиданием. Гневные тучи стужались на Западе. Вслед за пламенной кометой многие дивные знамения на небе явились. Люди ожидали будущего как Страшного суда. Глубокая, однако ж, тишина и тайна господствовали на земле. Но эта обманчивая тишина была предвестницей страшной бури. Взволновались народы, и все силы, все оружие Европы обратилось на Россию. Бог предал ее на раны, но защитил от погибели. Россия отступила до Оки и с упругостью,

свойственной силе и огромности, раздвинулась опять до Немана. Области ее сделались пространым гробом неисчислимым врагам. Русский, спаситель земли своей, пожал лавры на снегах ее и развернул знамена свои на чужих пределах (с. 106–107).

Время и пространство миновали критическую точку, и мировой порядок был восстановлен.

С другой стороны, начало нового года и перемещение автора за пределы России обозначают новый виток сюжета «Писем русского офицера», связанный с Заграничными походами русской армии в 1813–1814 гг. Как обогащается далее художественный образ мира, какие новые смыслы вкладывает Ф. Н. Глинка в свое повествование — предмет дальнейшего исследования.

Е. Е. Приказчикова

Изображение человека в военной мемуаристике наполеоновской эпохи: литературно-эстетическая традиция и искушение «правдой голого факта»

Рассматриваются принципы изображения человека в автодокументальных текстах наполеоновской эпохи. На основе анализа целого ряда мемуарных источников, как русских, так и французских, данные принципы исследуются как с точки зрения влияния на них господствующих литературных направлений конца XVIII — первой трети XIX в., так и в соответствии с основными чертами культурно-исторического менталитета людей наполеоновской эпохи во взаимодействии с мемуарной правдой голого факта.

Ключевые слова: мемуаристика; Наполеоновская эпоха; правда голого факта; культурно-исторический менталитет

Мемуарная литература, в том числе военная мемуаристика, появляется в России в XVIII столетии. Ее развитие связано с усилением личностного начала в литературе, являющегося основным